

И. А. ПИЛЬЩИКОВ

ПУШКИН И ПЕТРАРКА

(из комментариев к «Евгению Онегину») ¹

Вопрос об отношении Пушкина к Петрарке не часто становился предметом специальных исследований (см. Розанов 1930; Shapiro M. and M. 1993; Хлодовский 1999). На страницах коллективной монографии «Пушкин: Итоги и проблемы изучения» (Городецкий и др. 1966) имя Петрарки не встречается. В комментариях к «Евгению Онегину» итальянскому поэту уделен лишь самый необходимый минимум внимания, так что тему, вынесенную в заглавие настоящей статьи, вряд ли можно считать исчерпанной ².

1.1. С историей жизни и творчеством Петрарки читатели первой трети XIX в. познакомились прежде всего по II тому «Литературной истории Италии» («Histoire littéraire d'Italie») П.-Л. Женгене (ср. Cordié 1977, 432—440). Похвалой в адрес «знаменитого Женгене, написавшего одну из лучших критических книг», которая «у всех любителей в руках и в памяти», открывается посвященная Италии глава «Размышлений и разборов» Катенина (1830, № 40: 28; Джулиани 1987, 99; Асоян 1989, 40—41). Следы прилежного изучения «Histoire littéraire» носит статья Батюшкова «Петрарка» — первый в России оригинальный очерк об итальянском поэте (Розанов 1930, 123; Пильщикова 1997, 54 примеч. 88; 2000, 13). Батюшков говорит о Петрарке и в других статьях, основные темы которых стали отправным пунктом для пушкинских суждений о поэзии итальянского Ренессанса (Пильщикова 2000, 8—9 и др.).

Неясно, был ли Пушкин знаком с теми главами «Histoire littéraire», где речь идет о Петрарке (ср. Розанов 1928, 17; Shapiro M. and M. 1993, 155). Вопреки убеждению М. Н. Розанова (1930, 124), II том книги Женгене в пушкинской библиотеке отсутствует (Модзалевский 1910, № 944), но делать из этого факта далеко идущих выводов не следует (Реморова 1971, 103; Асоян 1989, 43) ³. Доподлинно известно лишь то, что поэт делал выписки из IV тома «Histoire littéraire d'Italie», касающиеся романа «*Vuovo d'Antona*» (РП, 486—490); М. А. Цявловский предположительно датировал их июнем 1822 года (РП, 489; Томашевский 1956, 473 примеч. 123), С. А. Фомичев (1986, 241) — 1824 или 1825 годом ⁴.

Еще одним авторитетным исследованием по истории итальянской словесности был труд Ж.-Ш.-Л. Симонда де Сисмонди «О литературе юга Европы» («De la littérature du midi de l'Europe»). Сисмонди, которого Пушкин относил к числу виднейших европейских критиков⁵, зачастую развивает и дополняет положения Женгене, но в случае с Петраркой дело обстоит иначе: «наперекор всеобщему вкусу (en opposition avec le goût universel)» автор «De la littérature...» не принимал поэзии Петрарки и печатно заявлял о своем «предубеждении» против него [«une prévention contre Pétrarque»] (Sismondi 1813, 410; Zini 1930b, 28—34; Cordié 1977, 441—458)]. В России демарш Сисмонди поддержал Катенин, который в своих «Размышлениях и разборах» доказывал «несогласное съ общимъ сужденіе», что в стихах Петрарки «все изыскано, переслащено, натянуто и запутано», а сам он не достоин «званія Поэта» (Катенин 1830, № 41: 36—37; Джулиани 1987, 101—102). Неприязнь Катенина к великому итальянскому лирику была вполне искренней; 17 февраля (1 марта) 1825 г. он писал Н. И. Бахтину о сонетах Петрарки: «<...> что тутъ находятъ? чѣмъ восхищаются? за что хотятъ челоуѣка въ боги посвятить? <...> я <...> не могу никакъ запутанныхъ, темныхъ, каламбурныхъ четвертаковъ и алтыновъ увѣнчаннаго въ Капитоліи педанта⁶ принять за чистую звонкую монету» (Чебышев 1911, 78—79; Пильщиков 2000, 14). Пушкин избежал влияния катенинского «нигилизма»: его воззрения на Петрарку если не во всем, то во многом сходны с батюшковскими.

1.2. В письме к А. Бестужеву от конца мая или начала июня 1825 г. Пушкин замечает: «Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту, сіи предшествовали Alfieri и Foscolo» (Пушкин 1926, 135; Берков 1970, 39—40). Первым русским критиком, заговорившим о преемственности Ариосто и Тассо по отношению к Данте и Петрарке, был Батюшков. В статье «Петрарка» он писал: «Петрарка былъ его <Тасса. — И. П.> предшественникомъ; онъ и Данте открыли новое поле словесности своимъ соотечественникамъ» (Батюшков 1816б, 190 примеч. * [к с. 189]). Данте и Петрарка здесь трактуются как родоначальники национального языка и национальной литературы — к этой теме Батюшков возвращается в «Речи о влиянии легкой Поэзии на языкъ»: «По возрожденіи Музъ, Петрарка <...> одинъ изъ первыхъ создателей славы возрождающей Италіи изъ развалинъ классическаго Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровымъ Дантомъ, довершилъ образованіе великолѣпнаго нарѣчія Тосканскаго» (Батюшков 1817, 5; ср. Некрасов 1911, 210—211; Верховский 1941, 404; Благой

1973, 13). Словоупотребление Батюшкова отозвалось в пушкинском «Сонете» (1830): *Суровый Дант не презирал сонета; // В нем жар любви Петрарка изливал* (Розанов 1930, 127; Семенко 1977, 467; и др.)⁷.

Для Батюшкова Данте и Петрарка — фигуры равного масштаба, и в этом их русский популяризатор вступает в противоречие с современной ему французской критикой. Сисмонди прямо говорил, что «на его взгляд» «Петрарка гораздо менее поэт, чем Данте (*Pétrarque est beaucoup moins poète que le Dante*)» (Sismondi 1813, 409). Предпочтение Данте перед Петраркой отдавал не только Сисмонди, но и Женгене: «В поэзии <...> Данте возвышается <...> как исполин среди пигмеев <...> Даже Петрарка, нежный, изысканный, божественный Петрарка, не превосходит его в изящном роде (*dans le genre gracieux*) и никогда не приближается к нему в картинах величественных и ужасающих (*dans le grand ni dans le terrible*)» (Ginguené 1811, 262—263; Counson 1906, 101—103, 120—122; 1921, 370—371; Zini 1930a, 231—232). Этой характеристики Батюшков не принимает и приписывает Петрарке как раз те достоинства, в которых отказал итальянскому лирику Женгене (Пильщиков 2000, 19). Защищая язык Авзонии от упреков «въ излишней изнѣженности» (очерк «Ариост и Тасс»), Батюшков приводит в качестве примера «трехъ Поэтовъ: Альфьери — душою Римлянина, Данта — зиждителя языка Итальянскаго, и Петрарка, который нѣжность, сладость и постоянное согласіе умѣль сочетать съ силою и краткостію» (Батюшков 1817, 249)⁸.

С точки зрения Батюшкова, значение Данте и Петрарки для итальянской культуры сопоставимо со значением Ломоносова для культуры русской: «Ломоносовъ <...> преобразовалъ языкъ нашъ <...> Онъ тоже учинилъ на трудномъ поприщѣ Словесности, что Петръ Великій на поприщѣ гражданскомъ» (Батюшков 1817, 3). Пушкин в набросках рецензии на альманах «Северная лира» (1827) также сравнивал Петрарку с Ломоносовым: «<...> сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества <вариант: „Оба сотворили язык и словесность своего отечества“. — И. П.>» (Пушкин 1949a, 11: 48, 320; Щеголев 1916, 6—8; Тынянов 1926a, 112—113; Реморова 1971, 104—105; Хлодовский 1976, 204). Развивая сравнение, Пушкин пишет: «<...> оба <Петрарка и Ломоносов. — И. П.> думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы» (Пушкин 1949a, 11: 48). О позднем признании «народных» стихов Петрарки говорил Ба-

тющков: «Онъ <Петрарка. — И. П.> заслужилъ славу трудами постоянными и пользою, которую принесъ всему человѣчеству какъ Ученый прилѣжный <sic!>, неутомимый; онъ первый возстановилъ ученіе Латинскаго языка; онъ занимался критическимъ разборомъ древнихъ рукописей», но «сдѣлался безсмертенъ стихами, которыхъ онъ самъ не уважалъ, — стихами, писанными на языкѣ Италіянскомъ, или народномъ нарѣчїи» (Батюшков 1816б, 171—172).

До Батюшкова Петрарку-ученого и Петрарку-лирика противопоставляли французские критики. Женгене утверждал: «Чтобы справедливо оценить стихи Петрарки, нужно полностью отмежеваться от того мнения, какое он сам о них имел (qu'il en avait lui-même). Он никогда не думал, что они могут споспешествовать его репутации, которую он основал (qu'il fondait) на философских трудах и латинских стихотворениях. Его народные стихотворения (ses poésies vulgaires) были предназначены для того, чтобы без труда выражать разнообразные движения сердца, а также нравиться женщинам и светским людям (à plaire aux femmes et aux hommes du monde), которым латинский язык был менее знаком, чем итальянский». «В его письмах часто повторяется это суждение о творениях его молодости, которые он называл *своими безделками* (ses bagatelles); но потомство рассудило о них иначе (mais la postérité en a jugé différemment)» (Ginguené 1811, 560—561). Этот пассаж почти дословно повторил Сисмонди: «Многочисленные труды Петрарки по древней литературе должны были дать ему более всего прав на славу (être son plus beau titre de gloire); так их оценивали в то время, так он сам судил о них (c'est ainsi qu'il en jugeait lui-même): тем не менее, сегодня его известность в гораздо большей степени основывается (est bien plus fondée) на итальянских лирических стихах, чем на объемистых латинских сочинениях» (Sismondi 1813, 398). Позже размышлениями Женгене на свой страх и риск распорядился Катенин, раздраженно отозвавшийся о сонетах Петрарки: «<...> и не справедливо ли потомства судиль онъ самъ, считая ихъ за пустячки?» (Чебышев 1911, 78).

По мнению Батюшкова, «въ етомъ неуваженїи къ стихамъ своимъ» «съ Петраркомъ» «много сходствовалъ» не столько Ломоносов, сколько Богданович, который «часто говаривалъ М<уравьев>у: „Стихи мои, которые вамъ такъ нравятся, умрутъ со мною; но моя Русская Исторія переживетъ меня. Стихи мнѣ немного стоили труда; надъ Исторїей я много пролилъ поту: на ней-то основана моя слава...“» (Батюшков 1816а, 172 примеч. *). С другой стороны, в «Речи о влиянии легкой

Поэзии» Батюшков подчеркивал роль «Эротической Музы» в деле «усовершенствованія» поэтического языка и соотносил собственные литературные «занятія» с творчеством Петрарки (Батюшков 1817, 5, 2). Отсюда пушкинская аналогия между Петраркой и Батюшковым (предполагающая сравнение Ломоносова с Данте): «Батюшков, счастл.<и-вый> сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для италианского» (Пушкин 1949а, 11: 21; Розанов 1930, 120; Хлодовский 1976, 205; Пильщиков 2000, 20).

1.3. «Подобно Батюшкову <...> Пушкин воспринимал и ценил Петрарку не как основателя гуманизма <то есть культурно-идеологической программы, придававшей первостепенное значение углубленному изучению греко-римской античности. — И. П.> <...> а как великого мастера любовной лирики» — «поэта любви par excellence» (Розанов 1930, 124, 127). Отсюда пушкинское: *Язык Петрарки и любви* («Евгений Онегин» 1, XLIX, 14); *В нем <сонете. — И. П.> жар любви Петрарка изливал* («Сонет») ⁹. У Петрарки «каждый стихъ, каждое слово носить неизгладимую печать любви», напоминал Батюшков (1816б, 173). По примеру Женгене (см. Ginguené 1811, 487 слл.; Zini 1930а, 238—239) он подчеркивал различия между лирикой Петрарки и эротической поэзией древних: «Петрарка, подобно имъ, испыталъ всѣ мученія любви <...> но наслажденія его были духовныя. Для него Лаура была нѣчто невестественное, чистѣйшій духъ, излившійся изъ нѣдръ божества и облеченный природою въ прелести земныя» (Батюшков 1816б, 173; Вацура 1994, 106, 197). Всё это было близко самому Батюшкову, который признавался: «Я вѣрю одной вздыхательной <любви. — И. П.>, петраркизму, т. е. живущей въ душѣ поэтовъ, и болѣе никакой» ¹⁰. По стихам из «каменецкого цикла» 1815 г. можно догадаться, что Батюшков проводил параллели между своим неразделенным чувством к А. Фурман и неутоленной страстью Петрарки к Лауре (Пильщиков 2000, 12).

Здесь проходит черта, разобщающая Батюшкова и Пушкина, который вовсе не был склонен отождествлять себя с Петраркой:

Тебѣ не страшень лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи <...>

Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

(Пушкин 1826, 118)

Это из стихотворения «Приятелю» (1821). А 25 августа 1823 г. Пушкин пишет брату: «<...> я прочелъ ему <В. Туманскому. — И. П.> отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (новой моеѣ поэмы) сказавъ что я не желалъ бы ее напечатать потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру» (Пушкин 1926, 53; Яковлев 1926, 132; Розанов 1930, 149; Томашевский 1956, 497—498; 1961, 75; Реморова 1971, 106). 22 октября 1823 г. была завершена первая глава «Евгения Онегина». Заведя в конце этой главы разговор о любви и поэзии [*Замѣчу кстати: всѣ поэты — // Любви мечтательной друзья* (1, LVII, 1—2)], Пушкин снова противопоставляет себя Петрарке (1, LVIII, 6—14):

Люби безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку рнѣмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

(Пушкин 1825, 46—47)¹¹

«Петрарка (и в письме к брату и в „Евгении Онегине“) — точный поэтический термин у Пушкина: это поэт любви платонической» (Тынянов 1939, 172; ср. Хлодовский 1999, 310). Здесь Пушкин опять близок к Батюшкову (с той оговоркой, что в отношении Петрарки младший поэт мог позволить себе иронию, не представимую в устах старшего). Факт подобного единомыслия не столь банален, как может показаться на первый взгляд: «<...> славы никто не оспариваетъ у Петрарки; но многіе сомнѣвались въ любви его къ Лаурѣ» (Батюшков 1816б, 172). Сторону скептиков принял (разумеется!) Катенин: «заказная любовь» Петрарки «отзыва<e>тся мѣлкимъ тщеславіемъ и въ привычку обращеннымъ жеманствомъ»; критики «вздумали <...> изъ педантическаго полиграфа сдѣлать поэтическое лице, страстнаго любовника», а на деле он всего лишь «хотѣлъ <...> быть любимымъ Поэтомъ для дамъ»¹², которые «всему предпочитали любовно-метафизическую галиматью, и Петрарка вмѣнилъ себѣ въ обязанность ихъ оною потчивать» (Катенин 1830, № 41: 36—38; Пильщиков 2000, 16). «Пушкин несомненно <...> ценил в Катенине критика» (Тынянов 1926б, 259)¹³, испытывал к нему уважение и симпатию, но сознавал,

что их «связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей» [Пушкин 1926, 160 (из письма П. А. Катенину от первой половины сентября 1825 г.)]. «Учась у Катенина», резюмировал Ю. Н. Тьянов, Пушкин «никогда не теряет самостоятельности» (1926б, 258).

2. В «Евгении Онегине» упоминание Петрарки (1, LVIII, 11) дало Пушкину повод связать мотив любви с мотивом славы, которого, кстати, не было в первоначальном наброске LVIII строфы, где предпоследний стих (*Поймалъ и славу между тѣмъ*) читался: *Но я любил — а между тем <...>* (Пушкин 1937в, 6: 257). Ассоциативный ряд «Петрарка, любовь и слава» вполне уместен и оправдан: как утверждал Батюшков, «неумѣренная любовь къ славѣ равнялась, или спорила съ любовію къ Лаурѣ въ пламенной душѣ Петрарки». «Любовь къ Лаурѣ и любовь къ славѣ подь конецъ жизни его слились въ одно» (Батюшков 1816б, 183, 179—180). Обе темы заданы уже в первых строках батюшковского очерка:

«S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?
Что же я чувствую, если и это не любовь?»

Вотъ что говоритъ Петрарка, котораго одно имя напоминаетъ Лауру, любовь и славу» (Батюшков 1817, 250; ср. 1816б, 171).

Итальянскую фразу, с которой начинается статья Батюшкова, Пушкин повторил в повести «Метель»: «Нельзя было сказать, чтобъ она <Марья Гавриловна. — И. П.> съ нимъ <Бурминим. — И. П.> кокетничала; но Поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ бы:

Se amor non è, che dunche?... <sic!>
<= Что же это, если не любовь?>»

(Пушкин 1831, 62—63; 1834, 63)

Ф. Е. Корш, отыскавший первоисточник пушкинской цитаты — сонет Петрарки «S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?..», — обратил внимание на орфографическую ошибку в слове *dunque* (напечатано *dunche*) и усомнился, «зналъ-ли Пушкинъ по итальянски». Исследователь пришел к заключению, что Пушкин «никогда не учился» итальянскому языку, «на которомъ ему приходилось разбирать только случайно попавшіяся ему фразы и цитаты». «Вѣроятно, Пушкинъ нашель свою цитату за-долго до того, какъ написалъ „Метель“ <...> нашель ее въ какой-нибудь французской книжкѣ, гдѣ стихъ Петрарки могъ быть обрѣзанъ» (Корш 1908, 54—56).

Корш полагал, что написание *dunche* явилось результатом «обратной» итальянской транскрипции слова *dunque*, прочитанного Пушки-

ным в молодые годы на французский лад: *dunque* [ˈduŋkɥe] → *dunque* * [ˈdɛ:kə] → *dunche* [ˈduŋke]. Это мало похоже на правду: судя по рукописи, которая была недоступна Коршу, автор «Метели» просто не помнил, какая из двух форм верна (ср. Букалов 1988, 110). Поначалу он твердой рукой вывел *dunque*, и лишь позже, вернувшись к этому месту, поменял *-que* на *-che*¹⁴. Ученого смущало также то обстоятельство, что «Пушкинъ не называетъ поэта, слова котораго приводить, хотя не видно причины, почему онъ умолчалъ его имя, если зналъ его» (Корш 1908, 55). Однако в автографе повести *Поэтъ* назван прямо: «Петрарка»¹⁵.

В. Я. Брюсов (1908) и Ю. Н. Верховский (1909) доказали, что Пушкин владел итальянским хотя и не безупречно, но всё же гораздо лучше, чем представлялось Коршу (ср. Certo 1926; Яковлев 1926, 130; Благой 1967, 238 примеч. 4; 1973, 36—37; Shapiro M. and M. 1993, 168 п. 18). При всём том участники дискуссии допускали, что с выводом Корша «о знакомствѣ Пушкина съ Итальянской словесностью въ подлинникѣ» «можно <...> болѣе или менѣе согласиться», хотя, конечно, «нельзя утверждать и того, что никого изъ Итальянскихъ Писателей Пушкинъ въ подлинникѣ не читалъ» (Брюсов 1908, 584—585). На сонет «S'amor non è...» экивок не распространялся: «<...> намъ не зачѣмъ гадать, откуда именно Пушкинъ почерпнулъ свою цитату. Почти несомнѣнно, онъ взялъ ее изъ статьи Батюшкова „Петрарка“» (Брюсов 1908, 589). Ю. Г. Оксман (1917, 84—85 примеч. 2), не оспаривая слов Брюсова, указал другой возможный источник-посредник — стихотворение А.-В. Арно «Imitation de Pétrarque» («Si ce n'est pas l'amour, quel feu brûle en mes veines...»). Оно имеет эпитаф «S'amor non è, che dunque sento?» и снабжено сопроводительным примечанием, где помещен полный текст итальянского сонета (см. Arnault 1825, 421—424). Том «басен и разных стихотворений» из парижского собрания сочинений Арно 1824—1827 гг., содержащий «Подражание Петрарке», был в распоряжении Пушкина; нужные страницы разрезаны (Модзалевский 1910, № 556). Вполне возможно, что французское «Подражание» действительно напомнило Пушкину об итальянском стихе, давно известном ему по статье Батюшкова, которую автор «Метели», без сомнения, читал очень внимательно (Вацуро 1981, 355; ср. 1995, 376).

Полемику о генезисе пушкинской цитаты резюмировал Н. В. Яковлев: «Весьма вероятно, что это так и было первоначально, как указывают В. Брюсов и Ю. Оксман. Но позднее Пушкин мог познакомить-

ся и непосредственно с оригиналом» (1926, 131)¹⁶. Последняя оговорка показательна: если до середины 1920-х годов превалировало необоснованное мнение, что Пушкин знал итальянскую литературу плохо, то в дальнейшем всё чаще стали раздаваться столь же голословные утверждения, что он знал ее чуть ли не в совершенстве. М. Н. Розанов писал в связи с цитатой в «Метели»: «Не даром выбрал Пушкин этот сонет: вполне подходя к положению его героини, он, вместе с тем, представляет собою как бы резюме обычных любовных переживаний Петрарки, хорошо подчеркивая господствующее у него настроение колебания, нерешительности, двойственности, меланхолии, страдания» (1930, 127). Н. О. Лернер также считал, что «Пушкин мог знать сонет Петрарки и непосредственно <...> а не по чьей-нибудь цитате. Если же это цитата, — неожиданно добавляет Лернер, — то, может быть, из Аретино: данный стих Петрарки цитирован в <...> третьем дне <I части. — И. П.> „Ragionamenti“; его грациозно напевают молодые куртизаны, „держа в руке карманного Петрарку“» (Лернер 1935, 125). Возражая Брюсову, Лернер выдвигает контраргументы, не имеющие доказательной силы: никаких намеков на малопрстойное сочинение Пьетро Аретино «Ragionamenti» («Разговоры») в тексте «Метели» не содержится¹⁷.

В то же время догадка Брюсова подтверждается многочисленными переключками между батюшковскими и пушкинскими высказываниями о Петрарке (см. выше, с. 8—12). Есть и еще один довод в пользу того, что итальянская фраза запомнилась Пушкину по цитате у Батюшкова. Речь идет о второй ошибке или опiske, допущенной Пушкиным в рукописи (по 'нет' вместо поп 'не'): «Se amor po è, che [dy] [dunque] dunche?...»¹⁸ Вопреки чтению Б. В. Томашевского (см. Пушкин 1940, 8, кн. 2: 618), эта погрешность не была устранена в автографе, и мы даже не можем сказать, кому принадлежит поправка: самому Пушкину или его издателю Плетневу¹⁹. Но в данном случае важно не это. Та же самая ошибка была допущена при первой публикации статьи Батюшкова в «Вестнике Европы», где стих Петрарки набран так: «S' amor po <sic!> è che dunque è quel ch' io sento?» (Батюшков 18166, 171). Оплосность была исправлена в «Опытах в Стихах и Прозе», которые Пушкин ко времени работы над «Повестями Белкина», конечно, перечел не раз; но, по-видимому, первое впечатление, как это нередко бывает, оказалось сильнее последующих²⁰.

3. Совпадение в выборе цитат у Пушкина и у Батюшкова симптоматично: скорее всего, знакомство Пушкина с наследием Петрарки

ограничилось отдельными стихотворениями и фрагментами, найденными в критических и историко-литературных работах. У нас нет данных, удостоверяющих, что поэт пытался самостоятельно штудировать Петрарку в подлиннике (как это делали, например, Батюшков и Катенин или как сам Пушкин изучал Данте). Наоборот, все цитаты из Петрарки, которые встречаются в сочинениях Пушкина, могли быть ему известны по статье Батюшкова и по книге Сисмонди.

Выдержки из Петрарки у Сисмонди немногочисленны: он разбирает отрывки из канцоны «*O aspettata in ciel, beata e bella...*» и пять сонетов, один из которых — «*Eranò i capei d'oro a l'aura sparsi...*» — переводит стихами (см. Sismondi 1813, 410—420). Именно эти два произведения нашли отклик в пушкинском стихотворном романе (Пильщиков 2000, 16—17)²¹.

3.1. Канцона к Джакомо Колонне («*O aspettata in ciel...*») представлена у Сисмонди двумя строфами — третьей (31—45) и четвертой (46—60):

Una parte del mondo è che si giace
 Mai sempre in ghiaccio ed in gelate nevi,
 Tutta lontana dal cammin del sole.
 Là sotto i giorni nubilosi e brevi,
 Nemica naturalmente di pace,
 Nasce una gente a cui 'l morir non dole <...>

(= Есть часть света, всегда лежащая
 Во льдах и в холодных снегах,
 Вдали от пути солнца.
 Там, где дни пасмурны и кратки,
 Исконный враг мирной жизни,
 Родится народ, которому умирать не больно...)²²

Кроме того, в книге приведена по-французски заключительная часть стихотворения (91 сл.). Отзыв Сисмонди об этом произведении выделяется на фоне других сдержанно неодобрительных характеристик: «Это, на мой взгляд, самое блистательное и самое вдохновенное из стихотворений Петрарки; оно также более всего приближается к античной оде» (Sismondi 1813, 418).

Стихи 49 и 51 из канцоны «*O aspettata in ciel...*» вынесены в эпиграф к 6-й главе «Евгения Онегина»: *La <sic!> sotto giorni <sic!> nubilosi e brevi // Nasce una gente a cui l' morir <sic!> non dole* (Пушкин 1828, 6; 1833, 161; 1837, 171). Орфография и грамматика пушкинской цитаты требуют пояснений. Если отсутствие тяжелого ударения в указательном местоимении *là* 'там' и написание элидированного *l'* вместо *l'*

в позиции перед согласным можно отнести за счет пушкинской небрежности, то пропуск артикля *i* перед существительным *giorni* 'дни' — это важная «улика»: дело в том, что Пушкин воспроизвел канцону Петрарки, как ее процитировал Сисмонди (Sismondi 1813, 420 п. 1). Точно так же интересующее нас место читается во втором издании «De la littérature...», с просьбой о приобретении которого Пушкин обращался к брату 14 марта 1825 г., и в третьем издании этой книги, которое позже заняло свое место в пушкинской библиотеке (Sismondi 1819, 426 п. 1; 1829, 424 п. 1; Модзалевский 1910, № 1391). Это не единственный случай, когда Пушкин цитирует итальянских авторов по книге швейцарского историка, не сверяясь с первоисточниками (см. далее, с. 19)²³.

3.2. Эдиционная история пушкинского эпитафия заслуживает особого разговора. До 1930 г. итальянские строки воспроизводились в том самом виде, в каком их напечатал автор романа, но затем с ними начали происходить труднообъяснимые метаморфозы. Сначала Б. В. Томашевский, подготовивший «Онегина» для Полного собрания сочинений в 6-ти томах (приложение к журналу «Красная нива»), без каких-либо оговорок выправил цитату по стандартному тексту «Canzoniere»: *Là, sotto i giorni nubilosi e brevi // Nasce una gente a cui 'l morir non dole* (Пушкин 1930, 126; при наборе была допущена опечатка: «*une gente*»). В подписном варианте 6-томника Томашевский поместил первую строку эпитафия в «новой», исправленной редакции, а вторую — в «старой», пушкинской [Пушкин 1932, 185; 1934, 113; и др.; так печаталось вплоть до последнего, 5-го издания этого собрания сочинений (Пушкин 1937а, 373)]. То же чтение мы встречаем в двух отдельных изданиях романа, вышедших под наблюдением Томашевского (см. Пушкин 1936а, 166; 1936б, 128), в издании «Евгения Онегина», подготовленном М. А. Цявловским (см. Пушкин 1933а, 170), и в Полном собрании сочинений Пушкина, выпущенном в издательстве «Academia», где «онегинский» том редактировал Г. О. Винокур (см. Пушкин 1935а, 147; 1936в, 101). Но в 5-м издании однотомных Сочинений Пушкина под редакцией Томашевского и К. И. Халабаева (см. Пушкин 1933б, 124) оба итальянских стиха даны в орфографии автора — так же, как в предыдущих изданиях, увидевших свет до 1930 г. Наконец, в новом однотомнике, вышедшем под редакцией Томашевского (Пушкин 1935б, 138), и в подготовленном им же юбилейном издании «Евгения Онегина» (Пушкин 1937б, 143), в первой строке восстановлено пушкинское написание, а во вторую, напротив, введена конъектура. Этот комбинированный вариант принял С. М. Бонди (Пушкин 1936г, 133).

Свой нынешний облик цитата из канцоны к Джакомо Колонне обрела в 6-м томе Полного собрания сочинений Пушкина, изданном Академией наук в 1937 г. (редактор тома — Б. В. Томашевский, контрольный рецензент — Г. О. Винокур). Здесь из трех конъектур 1930 года оставлена только одна — артикль перед существительным *giorni*: *La sotto i giorni nubilosi e brevi // Nasce una gente a cui l'morir non dole* (Пушкин 1937в, 6: 117). Такое решение не устроило Винокура и Цвяловского: оба текстолога сочли за лучшее вернуться к варианту «Красной нивы» (Пушкин 1939, 108; 1949б, 485). Однако в дальнейшем всё же возобладало чтение академического 16-томника (Пушкин 1949в, 119; 1960, 112; и мн. др.).

Доверие к этому изданию настолько велико, что, опираясь на него, филологи анализируют «пушкинские» написания итальянских слов (Букалов 1988), и в том числе, орфографию цитаты из канцоны к Колонне (Shapiro M. and M. 1993, 166 п. 4). Увы, опыт показывает: академические издания не многим достовернее научно-массовых. Мы видим, как лучшие текстологи год за годом печатали пушкинский эпиграф попеременно в пяти разных вариантах, один из которых по стечению обстоятельств стал «каноническим». При этом никто из редакторов не счел нужным пояснить, что он, собственно, правил: опечатки прижизненных публикаций, предполагаемые описки Пушкина в утраченном протографе или ошибки русского автора против итальянского языка.

Стоит добавить, что даже в издании 1937—1949 гг. примеры немотивированного вмешательства в орфографию Пушкина — вовсе не такая уж редкость. Обратившись к 8-му тому, мы, в частности, обнаружим, что цитата из Петрарки в тексте «Метели» тоже представляет собой контаминацию: «*Se amor non è, che dunque?..*» (Пушкин 1940, 8, кн. 1: 84). Начало фразы редактор тома Б. В. Томашевский взял из «Повестей Белкина» 1831 г., а конец — из нижнего слоя автографа. Ю. Г. Оксман со свойственной ему резкостью называл подобные вольности «импрессионистически-озорными вторжениями Б. В. Томашевского в пушкинский канон», «курьезами легкомысленного не по годам дилетанта» и даже «возмутительной халтурой» (Азадовский, Оксман 1998, 128, 78, 118; Гришунин 1999, 5—11).

Поразительнее всего то, что практика Томашевского-текстолога входит в неразрешимое противоречие с практикой Томашевского — историка литературы. Ведь не кто иной, как Томашевский, рассматривая вопрос об отношении Пушкина к творчеству другого итальянского автора — Ипполито Пиндемонте, выяснил, что «для Пушкина поэзия

Пиндемонте очевидно определялась характеристикой, какую дал этому поэту Сисмонди» (Томашевский 1934, 317 примеч. 17). Зависимость Пушкина от Сисмонди исследователь доказал безукоризненно: «Пушкин дважды упомянул имя Пиндемонте и оба раза в <необычной> форме — с „и“ на конце» (1934, 317 примеч. 17). «Орфография „Пиндемонти“ вместо правильного „Пиндемонте“ свидетельствует о том, что Пушкин не имел перед глазами сочинений этого поэта, а знал его по цитатам в книге Сисмонди „О литературе Южной Европы“, где его имя напечатано так же; это подтверждается и тем, что предполагавшийся эпиграф <из Пиндемонте> к „Кавказскому пленнику“ <...> является точным воспроизведением цитаты из книги Сисмонди» (Томашевский 1957, 528; ср. 1931, 280; Алексеев 1967, 155—156; Кибальник 1998, 109, 171, 176). Тот же Томашевский пенял редакторам Пушкина, что они «имя» Пиндемонте «исправили», а «текст» итальянской цитаты «исказили», не подумав о том, что пушкинское «правописание <...> не случайно» (Томашевский 1934, 317 примеч. 17).

Конечно, если бы ученый понял, что ситуация с онегинским эпиграфом мало чем отличается от ситуации с эпиграфом к «Кавказскому пленнику», то судьба цитаты из канцоны к Колонне сложилась бы по-другому (*pro captu lectoris habent sua fata libelli*). Этот казус понуждает меня еще раз напомнить коллегам о немудреном, казалось бы, принципе, который недавно (и как раз на онегинском материале) обосновал М. И. Шапир: поскольку в действительности невозможно «по поводу чуть ли не каждого слова проводить специальную проверку, призванную отделить в орфографии значимые элементы от незначимых», то «в изданиях академического типа орфографию и пунктуацию оригинала нужно сохранять в неприкосновенности» — хотя бы для того, «чтобы сократить до минимума процент текстологического брака» (1999, 111; 2000, 237; ср. 1994, 332).

3.3. Очень немногие исследователи пытались разобраться, какой именно смысл вкладывал создатель «Онегина» в эпиграф к 6-й главе. М. Н. Розанов ограничился замечанием о том, что «эпиграф этот как нельзя более уместен перед печальным рассказом о дуэли Онегина с Ленским» (1930, 126). Такой же неопределенностью страдает новейший комментарий Н. М. Шанского: «Эпиграф из канцоны Петрарки выступает в качестве емкой формулы всей дуэльной главы романа» (1999, 125).

Тезис Розанова попробовали аргументировать Марианна и Майкл Шапиро: «Уместность этих строк для темы данной главы, а именно для

дуэли между Онегиным и Ленским, становится очевидной в четвертой строфе канцоны, где описан Крестовый поход 1333 г., послуживший основанием для посвящения этого стихотворения Джакомо Колонне» (Sharigo M. and M. 1993, 166 п. 4). Однако еще А. П. Нахимов, первый исследователь итальянских литературных связей Пушкина, проциательно заметил, что стрóки Петрарки в «Евгении Онегине» плохо увязываются с их исходным контекстом: «Читатель согласится, разумѣется, что у Пушкина очень удачно подобрано благозвучное, художественное *предисловіе*, годное для любого <...> „психологического“ романа, и... подыскивая у самого Петрарки цитированное мѣсто — не безъ удивленія и даже не безъ нѣкотораго разочарованія, увидить, что поэтъ нашъ позаимствовался изъ „Canzone“, въ которой воспѣвается походъ короля французскаго противу невѣрныхъ». У Петрарки говорится, что «эти дикіе *германцы* — воинственный, смѣлый народъ <...> теперъ тоже вооружились вмѣстѣ съ другими на защиту святой земли <ср. „O aspettata in ciel...“, стихи 52—57. — И. П.>». «Нѣтъ сомнѣнія, и Ленскій, и Онѣгинъ <...> были далеки отъ подобныхъ интересовъ и затѣй». Оказывается, Пушкин «воспользова<лся> словами старика Петрарки для совѣтъ новыхъ поэтическихъ темъ» (Нахимов 1899, 56—57)²⁴.

В самом деле, слова Петрарки о северной стране (Германии) Пушкин применил к России (Čiževsky 1953, 265). Одновременно с этим была внесена поправка в эпиграф ко 2-й главе: к хрестоматийной цитате из Горация («O rus!..») Пушкин добавил пародическое восклицание «O Русь!» — оно присутствовало в беловых рукописях 2-й главы²⁵, но впервые было напечатано в списке исправлений, приложенном к отдельному изданию главы 6-й (Пушкин 1828, 47; ср. 1937в, 6: 640, 645; Nabokov 1964, 301 п. †; Алексеев 1977, 107—108 примеч. 32). Тема России в эпиграфах к роману стала сквозной. В полном согласии с наметившейся тенденцией следующая, 7-я глава, повествующая об отъезде Татьяны в Москву, была снабжена тремя эпиграфами, посвященными Москве.

Трудно согласиться с интерпретацией эпиграфа из Петрарки, которую предложил Ю. М. Лотман: «П<ушкин>, цитируя, опустил средний стих <50-й. — И. П.>, отчего смысл цитаты изменился <...> возникла возможность истолковать причину небоязни смерти <...> как следствие разочарованности и „преждевременной старости души“» (1980, 286). Почему пропуск стиха меняет смысл цитаты так, что на первый план выдвигается возможность социально-психологического, а не какого-либо

иного истолкования, комментатор не разъясняет. Не более правдоподобно звучит предположение И. К. Полуяхтовой, посвятившей специальную работу эпиграфу к 6-й главе: в отличие от Петрарки, полагает она, Пушкин не считал, что «воинственность» северных народов «есть исконное их качество, данное самой природой им в удел», и потому «уверенно <!> изъяс из петрарковских строк среднюю» (Полуяхтова 1987, 73).

По всей вероятности, нам не найти однозначного и убедительного ответа на вопрос, почему Пушкин выпустил один из трех идущих подряд стихов. Не исключено, что купюра вообще не была преднамеренной. Стих мог выпасть просто потому, что Пушкин его забыл (в пользу того, что поэт приводил цитату по памяти, говорит пропуск *accento grave* и смещение апострофа). Выброшенная строка (*Nemica naturalmente di pace*) образует распространенное приложение, которое легко элиминируется без ущерба для синтаксической связности фразы. Версификационная форма трехстрочного отрывка тоже не препятствует его сокращению: стихи, вычлененные из 15-стишия с прихотливой рифмовкой *ABCBACCDEEDEFDF*, друг с другом не рифмуются²⁶, а строфические контуры оригинала, которые могли бы поддержать целостность цитаты, в эпиграфе полностью стерты.

4. Еще одна цитата из Петрарки должна была появиться в авторских комментариях к лирическому отступлению о женщинах из 3-й главы «Онегина». Это отступление начинается словами о «недоступных красавицах»: <...> *Читаль // Надъ ихъ бровями надпись ада: // Оставь надежду навсегда* [З, XXII, 8—10 (Пушкин 1827, 28)]. 10-й стих в рукописи подчеркнут, а в полных изданиях романа помечен курсивом: выделением означено заимствование из Данте («Inferno» III, 9). «Шутливая пародийность этого места усугубляется примечанием явно фривольного характера, которым Пушкин сопровождает <...> цитату» (Благой 1967, 241; 1973, 17; ср. Илюшин 1968, 159—160; Гаспаров 1983, 324, 328): «Lasciate ogni speranza voi ch'ntrate <sic!>. Скромный Авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха» (Пушкин 1833, 268; 1837, 286—287). По наблюдению Н. О. Лернера (1935, 121), шутку о неприступных женщинах Пушкин позаимствовал у Шамфора: «Je n'aime point, disoit M..., ces femmes impeccables, au-dessus de toute foiblesse. Il me semble que je vois sur leur porte le vers du Dante sur la porte de l'enfer:

Voi che intrate, lasciate ogni speranza.

Vous qui entrez ici, laissez tout espérance.

C'est la devise des damnés» [= «Терпеть не могу, — говорил М..., — этих непогрешимых женщин, чуждых всякой слабости. Мне кажется, что я вижу у них на дверях стих Данта на вратах ада»²⁷:

Voi che intrate, lasciate ogni speranza.
Вы, те, что входите, оставьте всю надежду.

Это девиз проклятых» (Chamfort 1812, 235)]²⁸. «Пушкин несколько распространил и расцвел заметку Шамфора и прибавил к столь остроумно примененному французским писателем дантовскому стиху не лишённое пикантности примечание» (Лернер 1935, 121; ср. Виноградов 1941, 386—387). «Пикантность» или «фривольность» шуток Шамфора и Пушкина заключается в том, что итальянский глагол *intrare* (*entrare*) и соответствующий ему французский глагол *entrer* 'входить' имеют также значение 'овладевать телесно; совокупляться' (Battaglia 1968, 171; Trésor, 1248; ср. Delvau 1864, 154—155). В результате, по выражению А. А. Илюшина (1968, 159), «грозный трагизм Данте» принимает у Пушкина «форму эротической символики в духе Боккаччо»²⁹.

Следующая строфа «романа в стихах» (3, XXIII) построена на парафразах из Петрарки:

Среди поклонников послушных
Других причудниц я видалъ,
Самолюбиво равнодушных
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ <...>

Онъ суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожалѣнемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй <...>

(Пушкин 1827, 28—29)

К слову *сожалѣнье* в белой рукописи сделана сноска, аналогичная примечанию к цитате из Данте и содержащая строки 5—6 из сонета «Erano i carei d'oro...»:

E'l viso di pietosi color farsi
Non so se vero o falso, mi pareo. Petr.³⁰

(= «И ее лицо покрылось краской сострадания, // Казалось мне, — не знаю, правда или нет. Петрарка»). В том же сонете Петрарка говорит: <...> *et le parole // Sonavan altro, che pur voce humana* = <...> *и ее речи // Звучали не так, как обычный человеческий голос* (10—11).

В переложении Сисмонди *звук голоса* Лауры (*son accent*) наделен эпитетами *tendre et doux* (оба имеют значение 'нежный, мягкий'; ср.: <...> *звукъ рѣчей // Казался иногда нѣжнѣй*). Эти эпитеты повторены у Сисмонди (Sismondi 1813, 413) дважды: *Je ne sais quoi de tendre et de compâtissant <sic!> // Paraissait me promettre un plus doux esclavage* (5—6); *Son accent tendre et doux me semblait cadencé* (11). Иначе говоря, фрагменты, перефразированные Пушкиным, образуют лейтмотив не у Петрарки, а в тексте Сисмонди.

Сисмонди рассказывает, что сонет «Erano i carei d'oro...» «был написан в то время, когда красота Лауры уже начала увядать, и все удивлялись неизменности чувств Петрарки к женщине, не вызывавшей более восхищения у тех, кто ее видел» (Sismondi 1813, 412)³¹. Таким образом, пушкинские *причудницы*, уподобленные стареющей Лауре, — это дамы в возрасте, которые тешат свое самолюбие, вселяя тщетную надежду в сердца неопытных поклонников: <...> *По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей // Казался иногда нѣжнѣй, // И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ // Опять любовникъ молодой // Бѣжалъ за милой суетой* [3, XXIII, 10—14 (Пушкин 1827, 29)]. В дефинитивной редакции романа примечание с цитатой из Петрарки, проясняющее контекст XXIII строфы, почему-то было снято. Надеюсь, что дальнейшие исследования помогут разрешить эту загадку.

* *
 *

Факты, изложенные в настоящей работе, позволяют говорить о решающем воздействии Батюшкова и Сисмонди на формирование представлений Пушкина о Петрарке. От Батюшкова Пушкин унаследовал уважительное признание заслуг Петрарки перед итальянской и мировой культурой³², от Сисмонди — несколько отстраненное отношение к личности и творчеству капитолийского лауреата, подчас выражавшееся у Пушкина в легкой и вполне беззлобной иронии.

Ключевые роли в истории русской рецепции Петрарки сыграли старшие друзья Пушкина — Батюшков и Катенин. Если Батюшков, восторгавшийся Петраркой и видевший в нем одного из величайших лириков христианской эпохи, перенес на русскую почву идеи Женгене, то Катенин, напротив, довершил развенчание «классика» Петрарки, начатое «полуромантиком» Сисмонди³³. Пушкин занял умеренную позицию — в его отзывах о Петрарке крайности нивелированы.

Из обширного корпуса лирики Петрарки (317 сонетов, 29 канцон, 9 секстин, 7 баллат и 4 мадригала) предшественники и современники

Пушкина выделяли ограниченное количество произведений, которые становились предметом цитирования и обсуждения. По тому, какие произведения цитируются и какие оценки им даются, можно проследить линии влияния — своеобразные «изоглоссы», ведущие от одного автора к другому. Дело не исчерпывается регистрацией отдельных совпадений и расхождений — у нас появляется возможность с достаточной полнотой реконструировать весь комплекс отношений, связывающих Батюшкова с Лагарпом³⁴ и с Женгене, Катенина — с Женгене и Сисмонди, Пушкина — с Сисмонди и Батюшковым, и т. д.

В пушкинских текстах заимствования из Петрарки всегда сопровождаются ссылками на его имя (только в окончательной редакции «Метели» оно заменено апеллятивом *Поэтъ*). Эта показная осведомленность не должна вводить в заблуждение: постоянно читаемых авторов, наоборот, чаще цитируют без упоминания первоисточника. Совокупность признаков, подтверждающих опосредованный характер знакомства Пушкина с поэзией Петрарки, пополняется текстологическими данными. Отступления от орфографических и грамматических норм в итальянских цитатах (воспринимавшиеся многими редакторами Пушкина как досадная помеха, которую надо устранить) оказываются значимыми — стоит лишь найти верную историко-литературную перспективу. Значимость эта — не телеологическая, а генетическая: особенности текста не столько выражают творческую волю их создателя, сколько служат косвенным указанием на реальный источник цитаты, который автор постарался скрыть. Конечно, обращение к тому или иному непосредственному источнику до некоторой степени случайно, однако в генезисе художественного произведения случайное тесно переплетается с закономерным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований [проект 01-06-80210; «„Евгений Онегин“: текстология и комментарий: (теоретические и практические проблемы)»].

² Ниже будут рассмотрены только бесспорные цитаты из Петрарки и упоминания его имени в текстах Пушкина. По словам М. Н. Розанова, в остальных (более сомнительных) случаях «дело идет, конечно, не о прямых заимствованиях или явных подражаниях, списках с оригинала, а об усвоении поэтического стиля, в чем Пушкин не раз выказывал изумительное мастерство» (1930, 138). Из многочисленных «параллелей» между стихами Пушкина и Петрарки, приведенных Розановым, определенный интерес представляет разве что следующая: 6-я строка

из сонета «Мадона» (*Одной картины я желал быть вечно зритель*) напоминает 9-ю строку из сонета «Poi che 'l camin m'è chiuso di Mercede...»: *Et sol ad una imagine t'atlegno* = Я к одному лишь образу привязан (Розанов 1930, 134; Shapiro M. and M. 1993, 155). Ср. заключительный стих знаменитой канцоны Петрарки «Di pensier in pensier, di monte in monte...»: *Qui veder ròi l' imagine mia sola* = Здесь можешь зреть единственный мой образ.

³ Утверждение Н. Б. Реморовой (1971, 103) о том, что «в библиотеке Пушкина трудов Женгенэ» вообще «нет», нужно считать недоразумением. В распоряжении поэта было семь томов первого издания «Литературной истории» (1811—1819): I, III, IV и с VI по IX, а также заключительный (X) том второго издания (1823).

⁴ Ср. также замечания о возможном влиянии Женгене на Пушкина — читателя Данте (Асоян 1989, 43; Вацуро 1995, 379) и Ариосто [Томашевский 1987, 112 примеч. 14 (с неточностью: «Ginguené <...> 1812. Т. 12» вместо «Ginguené <...> 1811. Т. IV»)].

⁵ Ср.: «Где наши Аддис.<соны>, Лаг.<арпы>, Шлегели, Sismondi? <...> чьи литературные мнения сделались народными, на чьи критики можем мы сослаться, опереться?» [«Возражения на статью А. Бестужева...»], 1825 (Пушкин 1949а, 11: 26)].

⁶ О значениях, которые слово *педант* имело в пушкинскую эпоху, см. Добродомов, Пильщиков 2000.

⁷ Ср. также упоминание «важного и мрачного Данте» в статье «Петрарка» (Батюшков 1816а, 181) и черновые варианты 7-й и 14-й строк из пушкинского стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...» (1828): *Где Dante мрачный и суровый*; *Где Dante темный <и> суровый*; *Где Тасса нежного октавы*; *Где пел Торквато величавый*; *Где пел Петрарка величавый* (Пушкин 1949а, 3, кн. 2: 645—647; Благой 1973, 32—33; Вацуро 1995, 376—377).

⁸ При первой публикации «Ариоста и Тасса» в «Вестнике Европы» в этом месте было напечатано: «<...> двух поэтов» (Батюшков 1816а, 121). Видимо, в исходном варианте статьи Батюшков упомянул только Данте и Петрарку, а имя Альфьери вставил в последний момент (об этом свидетельствует и нарушение хронологии при перечислении имен). Пушкин (1937в, 13: 177 примеч. 1), перечисляя итальянских авторов в цитированном выше письме Бестужеву, сначала (помимо Данте и Петрарки) вспомнил только ранее названного Батюшковым Alfieri — имя Foscolo было добавлено позже. А в набросках возражений на статью Бестужева: «После кавалера Marini явился <sic!> Alfieri, Monti и Foscolo» — Пушкин (1949а, 11: 25, 299) написал сперва «Alfieri и Foscolo» и лишь затем вставил имя Monti.

⁹ Последняя формула не находит прямых соответствий в ближайших литературных источниках пушкинского «Сонета»: у Вордсворта и Сент-Бёва. Ср.: <...> *the melody // Of this small lute gave ease to Petrarch's wound* = мелодия // Этой маленькой лютни успокаивала раны Петрарки; *C'est sur ce luth heureux que Pétrarque soupire* = На этой счастливой лютне вздыхает Петрарка (Морозов 1915, 86; Гроссман 1925, 121—122; Яковлев 1926, 114, 122—124, 126, 368—369 примеч. 23—25; Розанов 1930, 127—131; Благой 1973, 44—45; Сурат 1998; Перцов 1998, 221—235, 245—247 примеч. 7—16, 251—253). О перифразах

лить (изливать) жар (огонь) любви в поэтическом языке пушкинского времени см. Виноградов 1935, 257—259; Григорьева 1964, 75—81; 1969, 211—221; Иванова 1969, 299—300; Перцов 1998, 227.

¹⁰ Из письма Н. И. Гнедичу от 19.IX 1809 [ГАРФ, ф. 279 (И. Д., Е. И. и В. Е. Якушкины), оп. 1, ед. хр. 1157, л. 16]; ср. Contieri 1959, 167; Фридман 1971, 126.

¹¹ Стих 1, LVIII, 11 (*Петраркѣ шествуя вослѣдѣ*), с одной стороны, соотносится с батюшковской характеристикой Петрарки («<...> Петрарка, немедленно шествуя за суровым Дантом <...>»), а с другой, отчасти повторяет строку В. Л. Пушкина из послания «К Кн. Петру Андреевичу Вяземскому» (1814): *Давно ли, шествуя Корнелию во след // Поэт чувствительный, питомец Мельпомены, // Творецъ Дмитрия, Фингала, Поликсены, // На Севере блисталъ... и Озерова нет!* (указано А. А. Добрицыным). Как известно, это послание положило начало стихотворной переписке В. Л. Пушкина, Вяземского и Жуковского, которая публиковалась в 1815 г. на страницах «Российского Музеума» и вызвала к жизни арзамасский миф о мученике Озерове и злобном завистнике Шаховском (ср. Гилельсон 1974, 3—34; и др.). В 1822 г. послание Вяземскому было перепечатано в сборнике стихотворений Василия Львовича, упомянутом в пушкинском экспромте 1824 г. из письма Плетневу («Ты издал дядю моего...»). Об этом сборнике Пушкин спрашивал Вяземского 2.II 1822: «<...> скороли выйдуть его <Дяди. — И. П.> творенья?» (Пушкин 1926, 26).

¹² Ср. цитированное выше суждение Женгена: «Il avait <...> destiné ses poésies vulgaires <...> à plaire aux femmes».

¹³ См. письма Пушкина, адресованные П. А. Катенину (первая половина февраля 1826), П. А. Вяземскому (27.V 1826) и П. А. Плетневу (7.I 1831), а также предисловие к «Отрывкам из путешествия Онегина». Впрочем, не все исследователи рущаются за искренностью этих пушкинских оценок [история вопроса изложена в диссертации М. В. Акимовой (2000, 8—9)].

¹⁴ См.: ИРЛИ, ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1, № 996, л. 26 об.

¹⁵ Ср.: «<...> но Петрарка замѣтивъ ея поведенія <sic!> сказалъ бы <...>» (Там же, л. 26 об.; ср. Пушкин 1940, 8, кн. 2: 618).

¹⁶ Н. В. Яковлев полагал, что «в 1826 году к Петрарке и в частности к его сонетам внимание Пушкина могли привлечь сонеты Мицкевича. Мы находим в них: эпитафии из Петрарки: 1) общий ко всей книге, 2) к VII сонету; заглавие первого сонета — „К Лауре“, имя Лауры в сонетах VI, VIII, X, при чем последний с указанием на то, что он взят из Петрарки» (Яковлев 1926, 131). Действительно, эпитафия к сборнику «Сонетов» Мицкевича («Quand' era in parte altr' uom da quel, ch' io sono») заимствован из сонета Петрарки «Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono...», открывающего все издания «Il Canzoniere» (McKenzie 1912, X). Первая часть книги содержит стихотворения, которые, по определению Вяземского, «принадлежать къ роду эротическихъ сонетовъ Петрарки» (1827, 194). В эпитафия к VII сонету польского поэта («S Petrarki», «Chcecie wiedzieć, co cierpię, rówiennicy moi...») вынесены начальные слова из сонета «Sen<n>uccio, i<'> v<o>' che sappi...». X сонет Мицкевича («Włogosławieństwo. S Petrarki») является переложением соне-

та «Benedetto sia 'l giorno, et 'l mese, et l'anno...», однако непосредственный источник перевода в книге не назван (см. Mickiewicz 1826, титульный лист, 9, 12). Прочие отсылки к «Il Canzoniere» в сонетах Мицкевича еще менее прозрачны (ср. Contieri 1956; Markiewicz 1978, 320—321). Упомянутые сочинения Петрарки, кажется, не нашли прямых отражений в творчестве Пушкина. Удивляться этому не приходится: «петраркизм» любовной лирики Мицкевича оставил русских читателей равнодушными. Интерес у Пушкина, как и у Вяземского, вызвала ориентальная экзотика «Крымских сонетов» — стихотворений, составивших вторую часть сборника 1826 г. Оттого-то «Пушкин <...> в ближайшие годы дважды помянув Мицкевича в своих стихах <в „Путешествии Онегина“ и в „Сонете“ 1830 г. — И. П.>, оба раза писал о нем именно как об авторе „Крымских сонетов“: поэтическая характеристика Мицкевича была неразрывна для него с этими произведениями» (Измайлов 1952, 197, ср. 195—206; Ивинский 1999, 63 слл., 97—98).

¹⁷ Соблазнительная возможность двоякого истолкования пушкинской цитаты была поддержана современным исследователем (см. Маркович 1989, 77).

¹⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 996, л. 26 об. Зачеркнутое буквосочетание *dy* можно трактовать двояко: это либо сочетание латинского *d* с кириллическим *y*, отражающее произношение [du-] (в рукописях Пушкина такие гибридные написания встречаются), либо это «франко-немецкое» *dy*, в котором немецкое *y* использовано для передачи носового гласного, произносимого на французский лад [dy-].

¹⁹ Историю первого издания «Повестей Белкина» см. в книге Н. П. Смирнова-Сокольского (1962, 276—279).

²⁰ Несомненно, Пушкин знал произведения Батюшкова не только по «Опытам в стихах и прозе» 1817 г., но и по более ранним публикациям в периодике. Так, на полях I части «Опытов» Пушкин (1949а, 12: 262) записал журнальный вариант 48-го стиха батюшковского подражания «XI Тибулловой Элегии из I книги».

²¹ Примечательно, что подборка примеров из Петрарки у Сисмонди никак не сказалась на Батюшкове, который в 1815—1816 гг., когда были написаны и напечатаны его очерки об итальянских стихотворцах, находился под исключительным влиянием Женгене (Pilshchikov 1994; Пильщикова 1997, 38—39, 41—42; 2000, 13—15, 23, 25 примеч. 45).

²² Ср. в переводе Сисмонди: «Il est une partie du monde qui toujours est couverte de glaces et de neiges, loin de la route du soleil; là, sous un jour nuageux et court, naît un peuple ennemi de la paix, et pour qui la mort n'est point une peine» (Sismondi 1813, 419). Для передачи итальянского *non dole* 'не больно; не жаль' (ср. Непомнящий 1996, 141—144) Сисмонди выбрал не существительное из гнезда *dolere* — *douleur* (< лат. *dolor*) 'боль, страдание; скорбь', а его синоним *peine* 'боль, страдание; наказание'. Последнее значение поддерживается устойчивым словосочетанием *la peine de mort* 'смертная казнь (буквально: наказание смертью)'.

²³ Иную гипотезу о происхождении эпитафии из Петрарки выдвинул П. Н. Берков: «<...> можно считать, что в том, как Пушкин <...> отзывался о некоторых <...> итальянских поэт<ах>, кое-что связано с лицейскими лекциями Георгиевского. Так, например, характеризуя Петрарку, Георгиевский особенно обращает внимание на его канцоны <...> Может быть, именно этим отзывом Георгиевского о

канцонах Петрарки заинтересовался Пушкин и впоследствии, читая произведения Петрарки в подлиннике, запомнил известные стихи „Là, sotto giorni nubilosi e brevi...“ из канцоны, посвященной Колонне, и потом, в 1826 г., поставил их, с небольшим сокращением, в качестве эпиграфа <к> главе шестой „Евгения Онегина“ (Берков 1970, 19—20). Концепция Беркова построена на одних допущениях, не подкрепленных вескими фактами. Ни в лицейских конспектах А. М. Горчакова, записавшего лекции П. Е. Георгиевского, ни в позднейшем издании этих лекций канцона «O aspettata in ciel...» не фигурирует (ср. Мейлах 1937, 156; Георгиевский 1836, 75—77). Внимание на нее обратил Сисмонди, а Георгиевский, вслед за Женгене, учил лицейстов, что «Петрарковы наиболее известны три Canzone <sic> Sorelle» (Мейлах 1937, 156) — то есть канцоны «Perché la vita è breve...», «Gentil mia donna, i' veggio...» и «Poi che per mio destino...» (ср. Ginguenè 1811, 525—534).

²⁴ Статья Налимова, «видного в то время петербургского педагога», «содержит несколько не лишенных значения соображений и не заслуживает забвения. Она не обратила на себя внимания современников и последующих исследователей, в особенности после того как В. В. Сиповский в своей „Пушкинской литературе“ дал ей нелестную характеристику» (Берков 1970, 3; ср. Сиповский 1902, 226).

²⁵ См.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 931, л. 1; № 932, л. 1.

²⁶ В схеме подчеркиванием помечен обсуждаемый фрагмент канцоны (49—51), а полужирным шрифтом — стихи, процитированные Пушкиным.

²⁷ Пушкинский вариант (*Надъ ихъ бровями надпись ада*) так запал в память русским читателям, что уже в наше время Ю. Б. Корнеев и Э. Л. Линецкая перевели пассаж Шамфора с оглядкой на «Онегина»: «<...> у них на лбу, как на вратах дантова ада <...>» (Шамфор 1966, 217). Перевод был издан в академической серии «Литературные памятники»; именно его принято цитировать в научных исследованиях (см. Лотман 1980, 221; Михайлова 1999, 331; и др.).

²⁸ Наблюдение Лернера без необходимых оговорок повторили Д. И. Чижевский (Čiževsky 1953, 241) и Ю. М. Лотман (1980, 221), которому иногда приписывают это открытие (Михайлова 1999, 331; и др.). То ли излишний лаконизм Чижевского («The joke originated with Chamfort»), то ли неточная ссылка Лернера (обсуждаемый фрагмент помещен в «Характерах и анекдотах», а не в «Максимах и мыслях», как указывал исследователь) ввели в заблуждение В. В. Набокова, также не пожелавшего сослаться на труды предшественников: «В Шамфоровых *Maximes et pensées*, — сообщает комментатор, — я нашел <...> следующее: „Je mettrais volontiers sur la porte du Paradis le vers que le Dante a mis sur celle de l'Enfer“ <= „Я охотно написал бы на вратах рая стих, который Данте начертал на вратах ада“ >» [Nabokov 1964, 368—369; ср. Chamfort 1812, 19 («Maximes et pensées», chapitre II)]. Очевидно, что второе mot не имеет никакого отношения к пушкинскому.

²⁹ Глаголы *entrer* и *entrare* в значении ‘futurare; coire’ могут употребляться без предложного дополнения и относиться к лицам обоего пола. Ср. также глаголы со значениями ‘входить; совокупляться’ в семитских языках: араб. *daḫala* (دَخَلَ) и др.-евр. *bā'* (בָּא; √בִּיא), которое является характерной лингвистической приметой

Книги Бытия (Быт 6, 4; 16, 2—4; 29, 21—23, 30; 30, 3—4; и др.) и неоднократно встречается в других местах Библии (Суд 16, 1; Руф 4, 13; и др.). В Септуагинте для передачи этого слова применяются глаголы εἰσπορεύομαι (Быт 6, 4) или, чаще, εἰσερχομαι (πρὸς τινα) 'входить (к кому-л.)', которым в церковнославянском тексте соответствуют глаголы вхѡдѣти (Быт 6, 4) и вниѣти (вѣ бѡмѣ). Вульгата в этих случаях, как правило, использует глагол *ingredior (ad quem)* 'входить (к кому-л.)'. По всей видимости, романское словоупотребление (*entrer dans qn, entrer avec qn, entrare in qd, entrare con qd*) развивалось без опоры на библейскую фразеологию. (Автор благодарен за консультации С. Г. Болотову и И. Г. Добродомову.) О «похабности» языка Библии Пушкин писал Вяземскому в первых числах декабря 1823 г. (Пушкин 1926, 60), то есть всего за пару месяцев до начала работы над 3-й главой «Онегина».

³⁰ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 933, л. 14. Ср. здесь же: «Lasciate ogni speranza (voi chі entrate.) Dan<te>» (л. 13 об.; с неточностью: Пушкин 1937в, 6: 580—581). Строфы 3, XXII—XXIII в рукописи значатся под номерами XXV—XXVI.

³¹ Ср.: «Le Sonnet LXIX fut écrit lorsque le temps commençait déjà à flétrir la beauté de Laure, et que l'on s'étonnait de la constance de Pétrarque pour une femme qui n'excitait plus le ravissement de ceux qui la voyaient». Сисмонди указывает номер сонета по изданию Ф. Соаве (Милан 1805; см. McKenzie 1912, XI). Этой же нумерацией «Canzoniere» пользовались Женгене и Батюшков.

³² Вот как об этом говорит Батюшков: «Италянскіе критики <...> на каждый стихъ Петrarки написали цѣлыя страницы толкованій <...> только въ тѣхъ земляхъ, гдѣ умѣютъ такимъ образомъ уважать отличныя дарованія, рождаются великіе авторы». «Часто умные люди отказывали ему <Петrarке. — И. П.> въ уваженіи! Умъ нерѣдко бываетъ тупой судія произведеній сердца». «Я нашель многія мѣста и цѣлыя стихи Петrarки въ Освобожденномъ Иерусалимѣ. Такого рода похищенія доказываютъ уваженіе и любовь Тасса къ Петrarкѣ» (1816б, 172—173, 189, 190 примеч. * [к с. 189]). Ср. у Пушкина: «Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они <Петrarка и Ломоносов. — И. П.> сходятся твердостью, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконецъ уваженіем, которое умели приобрести от своихъ соотечественников» (1949а, 11: 48).

³³ Определения *полуромантик* (о Сисмонди) и *классик* («Буде кто заслуживаетъ имя Классика въ обидномъ значеніи слова, это Петrarка») принадлежат самому Катенину (1830, № 44: 63; № 41: 36; ср. Тынянов 1926б, 240—243; Пильщиков 2000, 16).

³⁴ О Батюшкове, Петrarке и Ж.-Ф. Лагарпе см. Pil'schikov 1995, 130; Пильщиков 1997, 35—36, 56 примеч. 48; 2000, 15—16.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азадовский, М., Ю. Оксман: 1998, *Переписка. 1944—1954*, Издание подготовил К. Азадовский, Москва.

- Акимова, М. В.: 2000, *Стихотворное наследие Катенина: Вопросы текстологии и научного комментирования: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Москва (Московский государственный университет; Филологический факультет).
- Алексеев, М. П.: 1967, *Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения*, Ленинград.
- Алексеев, М. П.: 1977, 'Заметки на полях: [2. Эпиграф из Э. Бёрка в «Евгении Онегине»; 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча]', *Временник Пушкинской комиссии*. 1974, Ленинград, 98—113.
- Асоян, А. А.: 1989, *Данте и русская литература*, Свердловск.
- Батюшков, К.: 1816а, 'Итальянские стихотворцы: Ариост и Тасс', *Вестник Европы*, ч. LXXXVI, № 6, 107—121. Подпись: N. N. N.
- Батюшков, К.: 1816б, 'Петрарка', *Вестник Европы*, ч. LXXXVI, № 7, 171—192. Подпись: N. N.
- Батюшков, К.: 1817, *Опыты в Стихах и Прозе*, С.-Петербург, ч. I: Проза.
- Берков, П. Н.: 1970, 'Пушкин и итальянская культура', *Annali del'Istituto universitario orientale. Sezione slava, Napoli*, [vol.] XIII, 1—46.
- Благой, Д. Д.: 1967, 'Данте в сознании и в творчестве Пушкина', *Историко-филологические исследования: Сборник статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада*, Москва, 237—246.
- Благой, Д. Д.: 1973, 'Il gran padre: (Пушкин и Данте)', *Дантовские чтения*. 1973, Москва, 9—64.
- Брюсов, В.: 1908, 'Знал ли Пушкин по итальянски?', *Русский Архив*, № 12, 583—591.
- Букалов, А. М.: 1988, '«Язык Петрарки и любви»: (Из наблюдений над итальянскими записями А. С. Пушкина)', *Болдинские чтения*, Горький, 107—118.
- Вацууро, В.: 1981, 'Примечания', А. Пушкин, *Повести Белкина. 1830/1831*, Москва, 325—368.
- Вацууро, В. Э.: 1994, *Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа»*, С.-Петербург.
- Вацууро, В. Э.: 1995, 'Пушкин и Данте', *Лотмановский сборник*, Москва, [вып.] 1, 375—391.
- Верховский, Ю.: 1909, 'Пушкин и итальянский язык: (По поводу заметки Ф. Е. Корша)', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, С.-Петербург, [т. III], вып. XI, 101—106.
- Верховский, Н. П.: 1941, 'Батюшков', *История русской литературы*, Москва — Ленинград, т. V: Литература первой половины XIX века, ч. I, 392—417.
- Виноградов, В. В.: 1935, *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка*, Москва — Ленинград.
- Виноградов, В. В.: 1941, *Стиль Пушкина*, Москва.
- Вяземский, П.: 1827, '[Рецензия на книгу:] A. Mickiewicz, Sonety, Moskwa 1826', *Московский Телеграф*, ч. XIV, № 7, отд. I, 191—222. Подпись: Князь Вяземский.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

- Гаспаров, Б.: 1983, 'Функции реминисценций из Данте в поэзии Пушкина: (статья первая)', *Russian Literature*, vol. XIV, № IV, 317—350.
- Георгиевский, П.: 1836, *Руководство к изучению Русской Словесности, содержащее общие понятия об Изыячных Искусствах, теорию Красноречия, Пиитику и краткую Историю Литературы*, С.-Петербург, ч. IV: [История литературы].
- Гилельсон, М. И.: 1974, *Молодой Пушкин и арзамасское братство*, Ленинград.
- Городецкий, Б. П., и др.: 1966, *Пушкин: Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография*, Под редакцией Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха, Москва — Ленинград.
- Григорьева, А. Д.: 1964, 'Поэтическая фразеология конца XVIII — начала XIX века (именные сочетания)', *Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху*, Москва, 3—121.
- Григорьева, А. Д.: 1969, 'Поэтическая фразеология Пушкина', *Поэтическая фразеология Пушкина*, Москва, 5—292.
- Гришунин, А. Л.: 1999, 'Проблемы пушкинской текстологии в оценке Ю. Г. Оксмана', *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 58, № 3, 3—17.
- Гроссман, Л.: 1925, 'Поэтика сонета', *Проблемы поэтики: Сборник статей*, Под редакцией В. Я. Брюсова, Москва — Ленинград, 115—140.
- Джулиани, Р.: 1987, 'П. А. Катенин и итальянская литература', *Le romantisme russe et les littératures néo-latines*, Firenze, 89—119.
- Добродомов, И. Г., И. А. Пильщиков: 2000, 'Педантизм Евгения Онегина в свете лексикографических фактов', *А. С. Пушкин в Подмоскowie и Москве: Материалы IV Пушкинской конференции 15—17 октября 1999 г.*, Большие Вязёмы, 26—37.
- Иванова, И. Н.: 1969, 'Поэтическая «глагольная» перифраза у Пушкина', *Поэтическая фразеология Пушкина*, Москва, 293—372.
- Ивинский, Д. П.: 1999, *Пушкин и Мицкевич: Материалы к истории литературных отношений. 1826—1829*, Москва.
- Измайлов, Н. В.: 1952, 'Мицкевич в стихах Пушкина: (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов»)', *Ученые записки Чкаловского государственного педагогического института им. Чкалова*, вып. 6, 171—214.
- Илошин, А. А.: 1968, 'Реминисценции из «Божественной Комедии» в русской литературе XIX века', *Дантовские чтения. 1968*, Москва, 146—168.
- ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Рукописный отдел (С.-Петербург).
- Катенин, П. А.: 1830, 'Размышления и разборы. Статья V: 7. О поэзии Итальянской', *Литературная Газета*, т. II, № 40, 28—31; № 41, 36—40; № 42, 43—47; № 43, 52—55; № 44, 61—64.
- Кибальник, С. А.: 1998, *Художественная философия Пушкина*, С.-Петербург (= *Studiorum Slavicorum Monumenta*; T. 16).
- Корш, Ф.: 1908, 'Мелочи', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, С.-Петербург, [т. II], вып. VII, 51—59.

- Лернер, Н. О.: 1935, 'Пушкинологические этюды', *Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века*, Москва — Ленинград, [т.] V, 44—187.
- Лотман, Ю. М.: 1980, *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*. Комментарий: Пособие для учителя, Ленинград.
- Маркович, В. М.: 1989, '«Повести Белкина» и литературный контекст', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. XIII, 63—87.
- Мейлах, Б.: 1937, 'Лицейские лекции: (По записям А. М. Горчакова)', Вводная статья [и публикация] Б. Мейлаха, *Красный архив*, № 1 (80), 75—206.
- Михайлова, Н. И.: 1999, 'Дама', *Онегинская энциклопедия*, Москва, т. I: А — К, 331.
- Модзалевский, Б. Л.: 1910, *Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание)*, С.-Петербург (= Пушкин и его современники: Материалы и исследования; [Т. III], вып. IX/X).
- Морозов, П.: 1915, 'Пушкин и Сент-Бев', *Русский библиофил*, № VII, 82—90.
- Налимов, А.: 1899, 'Отзвуки итальянской поэзии у Пушкина: (Историко-литературная заметка)', *Образование*, № 5/6, 54—60.
- Некрасов, А. И.: 1911, 'Батюшков и Петрарка', *Известия Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук*, т. XVI, кн. 4, 182—215.
- Непомнящий, В. С.: 1996, 'Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина»', *Московский пушкинист*, Москва, вып. II, 135—165.
- Оксман, Ю.: 1917, 'Сюжеты Пушкина: (Отрывочные заметки)', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Петроград, [т. VII], вып. XXVIII, 73—95.
- Перцов, Н. В.: 1998, 'Сонетный триптих Пушкина', *Московский пушкинист*, Москва, вып. V, 217—253.
- Пильщиков, И. А.: 1997, 'Из истории русско-итальянских литературных связей: (Батюшков и Тассо)', *Philologica*, т. 4, № 8/10, 7—80.
- Пильщиков, И. А.: 2000, 'Из истории русско-итальянских литературных связей: (Батюшков, Петрарка, Данте)', *Дантовские чтения. 1998*, Москва, 8—32.
- Полуяхтова, И. К.: 1987, 'Эпиграф к шестой главе «Евгения Онегина»: (Из истории русского Петрарки)', *Проблема традиций и взаимовлияния в литературе стран Западной Европы и Америки (XIX—XX вв.): Межвузовский сборник*, Горький, 71—78.
- Пушкин, А.: 1825, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, С.-Петербург, [гл. I].
- Пушкин, А.: 1826, *Стихотворения*, С.-Петербург.
- Пушкин, А.: 1827, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, С.-Петербург, гл. III.
- Пушкин, А.: 1828, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, С.-Петербург, гл. VI.
- Пушкин, А.: 1831, *Повести покойного Ивана Петровича Белкина*, Изданные А. П[ушкиным], С.-Петербург.
- Пушкин, А.: 1833, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, [Издание 2-е], С.-Петербург.
- Пушкин, А.: 1834, *Повести*, Изданные А. Пушкиным, С.-Петербург.
- Пушкин, А.: 1837, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Издание 3-е, С.-Петербург.

- Пушкин: 1926, *Письма*, Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, Москва — Ленинград, т. I: 1815—1825.
- Пушкин, А. С.: 1930, *Полное собрание сочинений: В 6 т.*, Москва — Ленинград, т. IV: Евгений Онегин; Повести, кн. 7.
- Пушкин, А. С.: 1932, *Полное собрание сочинений: В 6 т.*, Москва — Ленинград, т. IV: Евгений Онегин; Повести; Путешествие в Арзрум.
- Пушкин, А.: 1933а, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Рисунки Н. Кузьмина, Текст подготовлен М. А. Цявловским, [Москва].
- Пушкин, А. С.: 1933б, *Сочинения*, Издание 5-е, Редакция текста и примечания Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева, Москва — Ленинград.
- Пушкин, А. С.: 1934, *Полное собрание сочинений: В 6 т.*, Издание 2-е, Москва — Ленинград, т. IV: Евгений Онегин; Повести; Путешествие в Арзрум.
- Пушкин, А. С.: 1935а, *Полное собрание сочинений: В 9 т.*, [Москва], т. V: Евгений Онегин: Роман в стихах.
- Пушкин, А. С.: 1935б, *Сочинения*, Редакция, биографический очерк и примечания Б. Томашевского; Вступительная статья В. Десницкого, Ленинград.
- Пушкин, А. С.: 1936а, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Редактор текста Б. Томашевский, Москва.
- Пушкин, А. С.: 1936б, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Редактор текста Б. Томашевский, Ленинград.
- Пушкин, А. С.: 1936в, *Полное собрание сочинений: В 6 т.*, Москва — Ленинград, т. III: Евгений Онегин; Драматические произведения.
- Пушкин, А. С.: 1936г, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Редакция текста, примечания и объяснительные статьи С. Бонди, Москва — Ленинград.
- Пушкин, А. С.: 1937а, *Полное собрание сочинений: В 6 т.*, Издание 5-е, Москва, т. 3: Драммы; Евгений Онегин.
- Пушкин, А.: 1937б, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Редакция текста, статья и комментарии Б. Томашевского, Ленинград.
- Пушкин: 1937в, *Полное собрание сочинений: В 16 т.*, [Москва — Ленинград], т. 6, 13.
- Пушкин, А. С.: 1939, [*Сочинения в стихах: В 3 т.*], Ленинград, т. III: Евгений Онегин; Драматические произведения.
- Пушкин: 1940—1949а, *Полное собрание сочинений: В 16 т.*, [Москва — Ленинград] 1940, т. 8, кн. 1—2; 1949, т. 3, кн. 2; т. 11—12.
- Пушкин: 1949б, *Полное собрание сочинений: В одном томе*, Том подготовлен М. А. Цявловским, Москва.
- Пушкин, А. С.: 1949в, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Москва, т. V: Евгений Онегин; Драматические произведения.
- Пушкин, А. С.: 1960, *Собрание сочинений: В 10 т.*, Москва, т. 4: Евгений Онегин; Драматические произведения.
- Реморова, Н. Б.: 1971, 'Вопросы западноевропейской культуры средних веков и Возрождения в статьях и заметках А. С. Пушкина: (статья вторая)', *Сборник трудов молодых ученых*, Томск, [вып. 1], 100—119.

- Розанов, М.: 1928, 'Пушкин и Данте', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Ленинград, [т. X], вып. XXXVII, 11—41.
- Розанов, М.: 1930, 'Пушкин и Петрарка', *Московский пушкинист*, Москва, [вып.] II, 116—154.
- РП — *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты*, Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский и Т. Г. Зенгер, Москва — Ленинград 1935.
- Семенко, И. М.: 1977, 'Батюшков и его «Опыты»', К. Н. Батюшков, *Опыты в стихах и прозе*, Москва, 433—492.
- Сиповский, В.: 1902, *Пушкинская юбилейная литература 1899—1900 г.г.: Критико-библиографический обзор*, С.-Петербург.
- Смирнов-Сокольский, Н.: 1962, *Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина*, Москва.
- Сурат, И. З.: 1998, '«Сонет»', *Наука в России*, № 5, 85—87.
- Томашевский, Б. В.: 1931, 'Пиндемонт', А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В 6 т.*, Москва — Ленинград, т. VI: Путеводитель по Пушкину, кн. 12, 280. Без подписи.
- Томашевский, Б. В.: 1934, 'Из пушкинских рукописей', *Литературное наследство*, Москва, [т.] 16/18, 273—318.
- Томашевский, Б. В.: 1956, *Пушкин*, Москва — Ленинград, кн. I: (1813—1824).
- Томашевский, Б. В.: 1957, 'Примечания', А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Издание 2-е, Москва, т. III: Стихотворения. 1827—1836, 479—537.
- Томашевский, Б. В.: 1961, *Пушкин*, Москва — Ленинград, кн. II: Материалы к монографии (1824—1837).
- Томашевский, Н.: 1987, 'Пушкин — читатель Ариосто: (Заметки)', *Альманах библиофила*, Москва, вып. XXIII: Венки Пушкину (1837—1987), 107—112.
- Тынянов, Ю.: 1926а, 'Пушкин и Тютчев', *Поэтика: Временник Отдела словесных искусств Государственного института истории искусств*, Ленинград, вып. I, 107—126.
- Тынянов, Ю.: 1926б, 'Архаисты и Пушкин', *Пушкин в мировой литературе*, Ленинград, 215—286, 384—393.
- Тынянов, Ю.: 1939, 'Безыменная любовь', *Литературный критик*, кн. 5/6, 160—189 (1-й пагинации).
- Фридман, Н. В.: 1971, *Поэзия Батюшкова*, Москва.
- Фомичев, С. А.: 1986, 'Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832: (Из текстологических наблюдений)', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. XII, 224—242.
- Хлодовский, Р. И.: 1976, 'Пушкинская концепция классического национального стиля и его исторического развития', *Типология стилевого развития нового времени: Классический стиль; Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле*, Москва, 175—213.
- Хлодовский, Р. И.: 1999, 'Пушкин и Петрарка: гуманизм и гуманность Пушкина', *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, № 1, 308—316.

- Чебышев, А. А.: 1911, *Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину: (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века)*, Со вступительной статьей и примечаниями А. А. Чебышева, С.-Петербург.
- Шамфор: 1966, *Максимы и мысли; Характеры и анекдоты*, Издание подготовили П. Р. Заборов, Ю. Б. Корнеев, Э. Л. Линецкая, Москва — Ленинград.
- Шанский, Н. М.: 1999, 'Краткий лингвистический комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: [Главы V—VI]', *Русский язык в школе*, № 2, 121—128. Без подписи.
- Шапир, М. И.: 1994, 'Между грамматикой и поэтикой: (О новом подходе к изданию Даниила Хармса)', *Вопросы литературы*, вып. III, 328—332.
- Шапир, М. И.: 1999, 'К текстологии «Евгения Онегина»: (орфография, поэтика и семантика)', *Вопросы языкознания*, № 5, 101—112.
- Шапир, М. И.: 2000, *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков*, Москва, кн. 1 (= *Philologica russica et speculativa*; Т. I).
- Щеголев, П.: 1916, 'Неизданная статья Пушкина об альманахе «Северная лира»', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Петроград, [т. VI], вып. XXIII/XXIV, 1—8.
- Яковлев, Н. В.: 1926, 'Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина', *Пушкин в мировой литературе*, Ленинград, 113—159, 366—376.
- Arnault, A. V.: 1825, *Œuvres*, Paris, [t. IV]: Fables et poésies diverses.
- Battaglia, S.: 1968, *Grande dizionario della lingua italiana*, Torino, [vol.] V: E — Fin.
- Certo, V.: 1926, 'Puškin e la lingua italiana', *Rivista di Letterature Slave*, vol. I, fasc. I/II, 257—265.
- Chamfort: 1812, *Œuvres complètes*, 3e édition, Paris, t. II.
- Contieri, N.: 1956, 'Mickiewicz e il Petrarca', *Ricerche slavistiche*, 1955/1956, vol. IV, 47—55.
- Contieri, N.: 1959, 'Batjuškov e il Petrarca', *Annali dell'Istituto universitario orientale. Annali. Sezione slava*, Napoli, [vol.] II, 163—182.
- Cordié, C.: 1977, 'Il Petrarca nella critica della Staël, del Ginguéné e del Sismondi (1800—1813)', *Atti e memorie della Accademia Petrarca di Lettere, Arti e Scienze. Nuova Serie. Anni 1973—75*, Arezzo, vol. XLI, 412—458.
- Counson, A.: 1906, 'Dante en France', *Romanische Forschungen*, [1906]/1908, Bd. XXI, H. 1, 1—275.
- Counson, A.: 1921, 'Le réveil de Dante', *Revue de littérature comparée*, année I, 362—387.
- Čiževsky, D.: 1953, A. S. Pushkin, *Evgenij Onegin: A Novel in Verse*, The Russian text edited with introduction and commentary by D. Čiževsky, Cambridge, Mass.
- Delvau, A.: 1864, *Dictionnaire érotique moderne*, Freetown [= Bruxelles].
- Ginguéné, P. L.: 1811, *Histoire littéraire d'Italie*, Paris, t. II.
- McKenzie, K.: 1912, *Concordanza delle rime di Francesca Petrarca*, Compilata da K. McKenzie, Oxford.
- Markiewicz, Z.: 1978, 'La poésie de Pétrarque en Pologne au XIXe siècle', *Petrarca i petrarkizam u slavenskim zemljama = Petrarca e il petrarchismo nei paesi slavi*, Zagreb — Dubrovnik, 319—325.

- Mickiewicz, A.: 1826, *Sonety*, Moskwa.
- Nabokov, V.: 1964, A. Pushkin, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov: In 4 vols., New York, vol. 2 (= Bollingen Series; [№] LXXII).
- Pilshchikov, I.: 1994, 'Notes and Queries in Poetics: Batyushkov and French Critics of Tasso', *Essays in Poetics*, vol. 19, № 2, 114—125.
- Pil'ščikov, I.: 1995, 'L'Italia e la letteratura italiana nelle opere e nelle lettere di Konstantin Batjuškov', *I Russi e l'Italia*, Milano, 125—131.
- Shapiro M. and M.: 1993, 'Pushkin and Petrarch', *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August — September 1993: Literature. Linguistics. Poetics*, Columbus, Ohio, 154—169.
- Sismondi, J. C. L. Simonde de: 1813, *De la littérature du midi de l'Europe*, Paris, t. I.
- Sismondi, J. C. L. Simonde de: 1819, *De la littérature du midi de l'Europe*, 2e édition, revue et corrigée, Paris, t. I.
- Sismondi, J. C. L. Simonde de: 1829, *De la littérature du midi de l'Europe*, 3e édition, revue et corrigée, Paris, t. I.
- Trésor — *Trésor de la langue française: Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789—1960)*, Publié sous la direction de P. Imbs, Paris 1979, t. 7: (Désobstruer — Épicurisme).
- Zini, M.: 1930a, 'Il Ginguéné e la letteratura italiana: [Prima Parte]', *Giornale storico della letteratura italiana*, vol. XCV, fasc. 285, 209—242.
- Zini, M.: 1930b, 'Il Ginguéné e la letteratura italiana: (Seconda Parte)', *Giornale storico della letteratura italiana*, vol. XCVI, fasc. 286/287, 1—38.